

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

КНИГИ
ИРИНЫ МУРАВЬЁВОЙ —
ПОДЛИННОЕ УКРАШЕНИЕ
ВАШЕЙ БИБЛИОТЕКИ,
ИЗЫСКАННАЯ ПРОЗА
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ГУРМАНОВ
В ЛИТЕРАТУРЕ:

- Любовь фрау Клейст
- Веселье ребята
- Портрет Алловити
- День ангела
- Напряжение счастья
- Сусанна и старцы
- Жизнеописание грешницы Аделы
- Отражение Беатриче
- Страсти по Юрию
- Вечер в вишневом саду
- Полина Прекрасная
- Райское яблоко
- Соблазнитель
- Имя женщины — Ева
- Я вас люблю
- Ты мой ненаглядный!
- Дневник Натальи
- Елизаров ковчег

Семейная сага «Я вас люблю»:

- Барышня
- Холод черемухи
- Мы простимся на мосту

ИРИНА
МУРАВЬЁВА

ЕЛИЗАРОВ
КОВЧЕГ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Художественное оформление серии
А. Старикова

Муравьева, Ирина Лазаревна.
М91 Елизаров ковчег / Ирина Муравьева. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Любовь к жизни.
Проза И. Муравьевой).

ISBN 978-5-699-85277-2

В эту книгу вошли знаменитые повести Ирины Муравьевой «Филемон и Бавкида» и «Полина Прекрасная», а также абсолютно новая — «Елизаров ковчег», на которую можно посмотреть и как на литературный розыгрыш, в глубине которого запрятана библейская история о Ное, и как на язвительный шарж на род человеческий, который дошел до края своими рискованными экспериментами с душой. Текст этой вещи переполнен страхом перед уже различимыми в нашем будущем результатами этих зловещих опытов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85277-2
© Муравьева И., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ФИЛЕМОН И БАВКИДА

1

В загородном летнем доме жили Филемон и Бавкида. Солнце просачивалось сквозь плотные занавески и горячими пятнами расплзлось по отвисшему во сне бульдожьему подбородку Филемона, его слипшейся морщинистой шее, потом, скользя влево, на соседнюю кровать, находило корявую, сухую руку Бавкиды, вытянутую на шелковом одеяле, освещало ее ногти, жилы, коричневые старческие пятна, ползло вверх, добиралось до открытого рта, поросшего черными волосками, усмехалось, тускнело и уходило из этой комнаты, потеряв всякий интерес к спящим. Потом раздавалось кряхтенье. Она просыпалась первой, ладонью вытирала вытекшую струйку слюны, тревожно взглядывала на похрапывающего Филемона, убеждалась, что он не умер, и, быстро сунув в разношенные тапочки затекшие ноги, принималась за жизнь.

Она хлопотала и торопилась, потому что к тому моменту, как он проснется, нужно было

приготовить завтрак, сходить за водой, вымыть террасу — грязи она не терпела. Питьевую воду набирали из колодца, а та, которая шла из садовых кранов, считалась недостаточно чистой, поэтому ею только умывались, мыли посуду, стирали. Ночью был сильный дождь, глинистые дорожки скользили. Боясь упасть, она осторожно ступала надетыми на босу ногу галошами, перегнувшись на правую сторону, где вспыхивала от ее неловких движений ледяная прозрачная вода в узком и высоком эмалированном ведре.

— Жень! Евгений Васильна! — дребезжал Филемон. — Который час?

Она приотворяла дверь с террасы:

— Да уж десятый, Ваня. Вставай. Прошла голова?

— Померяй-ка лучше, — прокашливался Филемон. — А то кто его знает..

— Береженого Бог бережет, — успокаивала она и, присев на краешек постели, охватывала его руку черным резиновым рукавом измерительного аппарата. Оба затаивали дыхание. Бульдожий подбородок Филемона мелко дрожал от слабости.

— Ну, вот и хорошо, — облегченно вздыхала она. — Вот и молодец. Сто сорок на восемьдесят. Иди чай пить. Скоро Алenuшку привезут.

Три года назад младшая дочь Татьяна родила большое бледное дитя. Татьяна была не замужем,

и долго никто не обращал на нее внимания — до того она походила на отца, вся в его бульдожью породу. Но вот наконец съездила в туристическую по Венгрии и Чехословакии и вернулась оттуда беременной.

«Он у меня женится, мерзавец! — грохотал Филемон. — А не то в порошок сотру! Полетит из органов, сукин сын! Куда Макар телят... Ишь распоясылись!»

Но время шло, Татьяна так и жила нерасписанной, таскала свой острый живот на предзащиту, стучала ночами на машинке, пропадала в библиотеке, а за месяц до родов получила-таки кандидатскую степень и место старшего преподавателя в Политехническом институте. Это, наверное, заставило призадуматься работника органов с небольшой ранней лысиной и аккуратным лицом, который хоть и не женился, но не избегал ее, иногда ронял сквозь каменные губы нерешительные предположения о трехкомнатном совместном кооперативе и на второй день после рождения ребенка принес в роддом кулечек подтаявшей маслянистой клубники.

Девочку назвали Аленушкой, и чем старше она становилась, тем меньше подходило ей это сказочное длинное имя. Обезумевшая от материнских инстинктов Татьяна раскормила бедную Аленушку до подопытных размеров. В три года она выглядела на шестилетнюю, и вещи ей

приходилось покупать в той секции «Детского мира», где было написано «Одежда для младших школьников». С песнями, причитаниями, игрушками, книжками, колотушками усаживали за стол плотно обернутое салфеткой, мучнистое, с огромными бантами создание и заталкивали в упирающийся рот булки с паюсной икрой, куски молодой телячьей печенки, черную смородину, тертую с сахаром, заливали густым морковным соком. Спеленатая салфетками Аленушка пробовала сопротивляться, кричала басом, колотила плотными ножками по высокому детскому стульчику. «А вот летит, летит, летит воробышек, — умоляла Татьяна, — а вот мы его сейчас — ам!» Аленушка давилась, ее рвало съеденным, и тут же ее умывали, переодевали в чистое для младших школьников, дрожащими руками мазали новую икру на новые булки, пронзительной машиной давили бугристую рыночную морковь...

— Вставай, Ваня, — говорила Бавкида. — Сегодня Аленушку привезут.

— Ну? — радостно ужасался Филемон. — На рынок, значит, надо, а, Жень?

— Сходим, сходим, пока жары нет. Или ты дома оставайся. Я одна.

— Да чего одна? Я с тобой, — дребезжал он. —
Э-хе-хе... Вместе жили, вместе помирать будем...
Э-хе-хе...

Она следила, чтобы он не забыл принять все свои лекарства, капала в его мутные выпуклые глаза заграничные капли, лезла под кровать и, расставив огромные растрескавшиеся пятки, долго шарила там в поисках его закрытых башмаков на микропорке. Вместе шли на рынок, и так же, как он, она суетливо здоровалась со знакомыми, хвалила хорошую погоду, расспрашивала про здоровье, льстила чужим детям в колясках и даже посмеивалась так же, как он: «Э-хе-хе, хе-хе...»

Иногда на Филемона находили приступы ярости. Она пугалась их, потому что каждый такой приступ мог кончиться инсультом. Поселковые мальчишки ломали рябину, сидя верхом на чужом заборе. Филемон набухал лиловой кровью и бросался на забор с высоко поднятой палкой, украшенной тяжелым набалдашником: «Я вас сейчас! Хулиганье поганое! Убью сволочей!» — хрипел он. Она сзади хватала его за локти: «Пойдем, Ваня! Брось ты их! Ва-а-ня!» Тяжело отдуваясь и дыша со свистом, Филемон продолжал свой путь к станции, медленно успокаиваясь: «Ну, сволота! Ну, погань! Перестрелять не жалко!» И опять она поддакивала: «Да уж, конечно...

Мараться об них... Себя бы поберег!» — «Порядка нет, Евгений Васильна! — грустнел бледно-лиловый от недавнего гнева Филемон. — Потому такое поведение, что ни в чем никакого порядка... Распустились...» — «Молчи ты, Ваня, — пришептывала она и тут же улыбалась кривой лицемерной улыбкой: — Ты смотри, кого мы встретили! Сколько лет, сколько зим!» — «Э-хе-хе, — обмякал Филемон, смешно приседая от косноязычного умиления при виде очередного знакомого с колясочкой. — Вот, значит, кто нас опередил! Нам поди и смородины на базаре не оставили? Э-хе-хе...»

После обеда к дачному забору подъезжала ведомственная машина. Нерасписанный зять помогал доставить Аленушку к деду с бабкой. Из машины вылезала худая, с тяжелой челюстью и ярко-белыми ломкими волосами Татьяна, изнемогая под тяжестью заснувшей дочери. Они кубарем скатывались с лестницы ей навстречу. «А вот и наши, а вот и наши, — сюсюкал Филемон. — Давай, Женя, на стол накрывай. Вот и приехали. Внученьку дедушке привезли...» Пообедав, уставшая Татьяна в открытом сарафане собирала ягоды или качалась в гамаке с газетой, а они наполняли водой пластмассовую ванночку, выставляли ее на солнце и вдвоем, стучаясь сгорбленными плечами, купали в ней пузатую, перекормленную Аленушку, которая, выпучив

голубые глаза в небо, расплескивала мыльную воду своими пухлыми, неповоротливыми руками. Вечером Татьяна, подчернив брови и густо намазавшись розовой помадой, торопилась на электричку, а они оставались с Аленушкой. Тогда Филемон начинал читать ей сказки: «Я б для батюшки-царя родила богатыря», — бормотал он, сам засыпая и монотонно покачивая детскую кроватку. Аленушка громко икала. «Ай беда какая! — сокрушался Филемон. — Водички ей, Женя, малиновой водички внученьке...»

Наикавшись и наглотавшись малиновой воды, Аленушка засыпала. Филемон разворачивал газету. Она домывала посуду узловатыми плоскими пальцами. Усталость одолевала ее, и в голову лезли мысли о том, что завтра нужно опять пойти на базар (забыли купить ревеня — у Филемона нелады с желудком!), перестирывать все Аленушкины маечки, вымыть наверху комнату, потому что в пятницу Татьяна может приехать не одна, а с уклончивым нерасписанным зятем, и тут уж надо в лепешку разбиться, но обеспечить им семейный уют, и вкусный обед, и чистое, лоснящееся, сытое до икоты дитя, чтобы у нерешительного мужчины с ранней лысиной и каменными губами появилось твердое ощущение, что вот это и есть его дом, дача, жена и дочь.

«Нет, — хрипел Филемон, грозя куда-то в газету седовласым дрожащим кулаком. — Нет, при

хозяине бы такого не было! Перестреляли бы всех к такой-то матери!» Возводил закапанные заграничным раствором мутные глаза на небольшой портрет в траурной рамке. Большеносое, черное лицо, снизу подпертое жестким воротником военного френча, ласково и коварно щурилось на Филемона. «Эх-хе-хе, — вздыхал тот, успокаиваясь, — эхе-хе, Евгений Васильна... — И тут же понижал голос: — Женя, я думаю, сообщить бы надо, что еврей этот иностранные газеты достает и читает — это раз, а самое-то главное — «голоса» ловит. С ихнего балкона все слышно. Меня не проведешь! Сообщить бы надо, Евгений Васильна...»

Она насухо вытирала чистым полотенцем растопыренные пальцы: «Себя побереги, Иван Николаич! Ты свое отслужил! Куда теперь сообщать?»

В глубине души ей казалось, что в свое время Филемон допустил промах, слишком рьяно отстаивая ценности комсомольской юности и не соглашаясь на признание каких бы то ни было ошибок известного периода. Его фанатическое упрямство и привело к тому, что сейчас, в старости, у них не было персональной машины с шофером, приходящей прислуги, дачи в Барвихе. Была, правда, однокомнатная квартира в доме на Кутузовском, была хорошая пенсия, ведомствен-

ная поликлиника, заказы два раза в месяц. Но у других-то, помельче Филемона, не имевших за спиной долгих лет ответственной работы в ЦК Узбекистана, — у других-то было больше! И она жалостливо смотрела на своего честного несгибаемого старика, уткнувшегося в газету под портретом большеносого покойника, и думала, что, конечно, он опять прав: сообщить-то надо бы, но времена наступили такие, что и не знаешь: куда сообщить? Кому? Как бы не засмеяли...

— Спать ложись, Ваня, — уговаривала она. — Аленушка может ночью проснуться. Не выспимся... Завтра на рынок с утра. У меня обед нет... Ты с ней на полянке побудешь, пока я управлюсь...

Кряхтя, укладывались на кровати, застеленные одинаковыми шелковыми одеялами. Филемон сразу же начинал посвистывать коротким свирепым носом. Она еще поправляла подушку под Аленушкиной головой, проверяла, выключен ли газ на кухне, закрыта ли на замок входная дверь. Опять ложилась. Луна, просочившись сквозь щель занавески, лизала ее съехавшую набок щеку с черным кустиком длинных волос. Из сада тянуло жасминовой свежестью. Соловей, дождавшись своего часа, разрывался где-то между землею и небом. Под его неумолимый голос она засыпала.

В одну из таких ночей ее разбудило тонкое бормотание. Она в страхе открыла незрячие еще глаза, села на постели.

— Убь-ю-у, ай-я-я-я! У-у-у! Кыш! — бормотал тоненьким дробным голосом Филемон, делая странные разрывающие движения слабыми белыми пальцами. — Убью-у-у-у сво-о-а-та-а-а!

— Ваня! — вскрикнула она и подбежала к нему. Лицо его было ярко-багровым, веки плотно зажмурены. — Иван Николаич! — Не соображая, что делает, она затрясла его за плечо.

Багровый Филемон раскрыл бульдожий рот с коротким мясистым языком, который сразу вывалился наружу, как будто его оторвали. Тогда, сунув босые ноги в резиновые калоши, она, как была в байковой ночной рубашке, простоволодая, выбежала на улицу и, задыхаясь, побежала по черной дороге вниз, к сторожке, где был единственный на весь дачный поселок телефон.

Через час два санитары заталкивали в машину накрытое белой простыней короткое тело со свистом дышащего Филемона, а она, сжав обеими руками большую отвисшую грудь в байковой ночной рубашке, объясняла им, что не может ехать с мужем в больницу, не с кем оставить внуку. Вернувшись в полную черной серебристой тьмой комнату с открытым в жасминовые заросли окном, она села на развороченную постель, с которой только что унесли багрового

старика, и тихо, сдержанно всплакнула. Слезы были какие-то неосознанные, почти механические: жалко же его. Умрет, не дай бог. Всю жизнь вместе. Готовые фразы отпечатались в ее голове, словно кто-то написал их жирным шрифтом: «Умрет, не дай бог. Жалко его. Всю жизнь вместе».

Аленушка проснулась и басом заплакала. Она, надрываясь, взяла ее на руки: «Нельзя, нельзя плакать. Дедушка заболел. Жалко дедушку». Аленушка икнула оглушительно и затихла.

Утром приехала на такси Татьяна, осталась с ребенком, а она помчалась в кремлевскую больницу, где в паутине трубочек плавился на кровати слегка побледневший Филемон, узнавший ее и с трудом пошевеливший своей заросшей седой шерстью рукой. Посидев с ним полчаса, одернув простыню, обтерев влажным теплым полотенцем его бульдожье лицо, она с бьющимся сердцем поплелась караулить в коридоре лечащего врача, чтобы услышать от него, что Филемон не безнадежен, инсульта как такового нет и надо надеяться, что дело пойдет на поправку. У нее отлегло от сердца, и весь этот жаркий июль она провела в городе, каждый день таскаясь на троллейбусе сначала на рынок, а потом в больницу, ночами варила ему диетические супы, протирала куриную печенку, не доверяя даже «кремлевке» и проборматывая про себя, что домашнее всег-